

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ

Э.М. Спирова

ПО ТУ И ДРУГУЮ СТОРОНЫ СВОБОДЫ И ДОСТОИНСТВА

Аннотация. Длительное время Б.Ф. Скиннер был самым известным в США психологом. Однако влияние его работ было связано лишь с профессиональной психологией. Только за последние годы интерес к его идеям обнаружили философы, этики, историки. Скиннер испытывал неприязнь ко всему субъективному, связанному с ментальными навыками. Он искал физиологические основы человеческого поведения, редуцируя фактически радиус психологии. Скиннер нередко собственно психологическое толкование поведенческих актов человека считал надуманным, излишним. Он пытался истолковать внешние формы человеческого поведения, пользуясь методом наблюдения за поступками людей и животных. Его читали и критиковали. Однако час его пришёл. Сейчас его идеи снова получили хождение, потому что укрепилась тенденция редуцировать психические процессы к физиологическим. Автор использует исторический метод, чтобы показать влияние Б.Ф. Скиннера в те годы, когда его учение появилось. Применяется также сравнительный метод, чтобы выявить близость бихевиоральных установок нынешним попыткам устранить психологический ярус человеческого поведения. Новизна подхода состоит в том, что автор пытается поместить идеи Скиннера в контекст минувшего века и изучить преобразование его идей в нынешнем столетии. Показано, что вновь подвергаются критике свобода и достоинство человека, поскольку они, по мнению Скиннера и многих современных исследователей, фактического содержания не имеют.

Ключевые слова: психология, бихевиоризм, свобода, достоинство, поведение, психика, наука, необихевиоризм, мировоззрение, личность.

В свое время американская и европейская критика, не принимая в целом ни идей, ни доказательств новой книги Б.Ф. Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства», отнеслась к ней с предельным вниманием и интересом. И дело не только в том, что, как пишет автор отрицательной рецензии в «New statesman»: «профессор Скиннер — наиболее влиятельный американский психолог и самая противоречивая фигура в науке о поведении»¹. Хеймар фон Дитфурт, автор еще более резкого отзыва, так объясняет свое и общее внимание к книге «По ту сторону свободы и достоинства»: «То, что рецепты автора представляются нам иллюзорными, не исключает возможности, что в один прекрасный день кто-то сочтет себя призванным их осуществить». И еще: «хотя книга написана на ужасном профессиональном жаргоне, в США она стала бестселлером»².

¹ Rycroft Ch. Closed system // New statesman. L., 1972, vol. 83, № 2139, p. 351–352.

² Dittfurth H. von. Ein gespenstisches Rezept // Spiegel. Hamburg, 1972. Jg. 26, № 11, s. 144–147.

В оживленной, а порой даже ожесточенной дискуссии о книге Скиннера можно выделить несколько основных моментов, общих для большинства отзывов.

I. Работа Скиннера оценивается и анализируется в рамках бихевиоризма, в связи с чем дается более или менее серьезное и подробное описание исторического становления этой школы, ее основных идей и программ. Здесь можно найти самый широкий спектр мнений о бихевиоризме.

Для одних рецензентов³ — это «слепой тупик, к счастью уже преодоленный, в который время от времени попадает наука, — вроде френологии, теории флогистона или генетики Лысенко». Книгу Скиннера авторы статьи называют «последним слабым призывом вожака неудавшегося движения»⁴.

Расцвет бихевиоризма в 50-60-х годах XX века они склонны приписать злой воле Уотсона, Халла

³ Wolfe M., Thompson W. Levin M. The new bioterrorism // Canadian forum. Toronto, 1972, vol. 51, № 614, p. 12.

⁴ Ibid.

и Скиннера, осуществлявших свою академическую диктатуру в университетах США, где с их легкой руки «все были заморожены «операциональными определениями» и «принципом верификации», «третировали гуманитариев..., а Фрейд, Юнг, Келлер, Вильям Джеймс... объявлялись представляющими лишь исторический интерес». Противоположную точку зрения выражает автор статьи «Деятельность вне сознания»⁵. Он не считает бихевиоризм ни случайным, ни специфически университетским, ни даже (вопреки распространенному мнению) чисто американским явлением. Для него бихевиоризм начинается с книги И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга»⁶, увидевшей свет впервые в 1860 г, складывается в экспериментальную науку в Германии на рубеже XX в. в лабораториях, изучающих поведение животных, и лишь в 30-х годах становится господствующим направлением в американской психологии. Почему бихевиоризм укрепился и приобрел статус науки о человеке в Америке, а не в России? Автор готов видеть причину в индивидуальных особенностях ведущих ученых: И.П. Павлов, пишет он, в отличие от Дж. Уотсона, достаточно скептически относился к возможности аналогий между животными и человеком в сфере поведения и проявлял редкую для психолога боязнь обобщений.

Исследователи отмечают «подлинный экспериментальный дар и силу аналитического мышления Скиннера (это делают почти все рецензенты, противопоставляя Скиннера-экспериментатора Скиннеру-социологу и философу) и конкретно показывает, что нового внес он в теорию рефлексов по сравнению с Павловым. Но он указывает и на крупный просчет Скиннера именно в этом плане: стремясь поставить на место спекуляции естественнонаучный подход, Скиннер вместе с тем проявляет мало интереса к генетике и биологии, игнорирует физиологию высшей нервной деятельности.

Главный довод автора «в пользу Скиннера и бихевиоризма» — это признание, что его теория вносит серьезный вклад в понимание некоторых сфер социальной жизни, например в проблему обучения. Автор призывает отнестись спокойно к претензии бихевиоризма на решение общечеловеческих проблем, не пугаться, но и не ждать чуда.

Ряд критиков отмечает редкую последовательность бихевиористской позиции у Скиннера, «жесткую честность в ее изложении, которая подкупает и вместе с тем оборачивается для автора несостоятельностью, неумолимо обнажая его противоречия». Это оценка Гарольда Каплана, автора обстоятельной статьи «Жизнь в клетке»⁷. Он цитирует другую большую книгу Скиннера «The men and the ideas» (1968): «Какая разница, сознателен или бессознателен поступок, — каузальность поведения не зависит от сознания», и замечает: «Пожалуй, Скиннер доказывает, что сознание следует за поведением, а не наоборот, что, следовательно, на поведение можно действовать непосредственно... Доказывает он и то, что среда воздействует на личность, а не наоборот. Но это чисто бихевиористское доказательство. Ведь речь идет о человеческой среде, а не о природной», о среде, состоящей «из воспринимающих личностей», обладающих сознанием... и потом: что делать с сознанием контролеров?»⁸.

В немецкой прессе крайняя точка зрения на бихевиоризм и Скиннера представлена статьей профессора психиатрии и неврологии Хеймара фон Дитфурта⁹. «Основанный американцем Д.Б. Уотсоном незадолго до первой мировой войны, бихевиоризм последовательно пренебрегает научной интерпретацией психических процессов», — утверждает Дитфурт.

Науку Скиннера он называет «психологией без психики», а его научные описания «схемой без плоти и крови», «диаграммой собачьих рефлексов», похожей на живую собаку, играющую у нашего дома, так же, как призрак похож на человека. Дитфурт объясняет возникновение бихевиоризма с его «призраком действительности» внутренним движением в самой психологии. «Не является тайной, — пишет он, — что различные свойства нашего мира не в равной мере доступны научному измерению. Именно поэтому мы на сегодняшний день больше знаем о том, что происходит внутри атома, чем о том, что происходит в нашей собственной душе»¹⁰. Роковая ошибка

⁵ Doing without consciousness // Times literary suppl. L., 1972, № 3663, p. 533-534.

⁶ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга: попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы. Изд. 5-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 123 с.

⁷ Kaplan H. Life in the cage // Commentary. L., 1972, vol. 53, № 2, p. 82-86.

⁸ Ibid.

⁹ Ditfurth H. von. Ein gespenstisches Rezept // Spiegel. Hamburg, 1972. Jg. 26, № 11, s. 144-147.

¹⁰ Ibid.

психологов в том, что они устыдились этого естественного различия и вышли на безумное состязание с физиками, химиками, биологами. Преодолеть пропасть количественно неизмеримых психических феноменов они пытаются, подменив эти феномены «предметом» своих исследований, составленным из тех свойств мира, которые «как-либо поддаются измерению». Такое формирование предмета, исходя из метода, автор считает «специфически профессиональным грехопадением» ученого. «Призрачные рецепты» от страданий, годные лишь для призрачного мира, потому время от времени и появляются в науке, что научная деятельность провоцирует склонность к фальсификации действительности, которая при отсутствии самоконтроля грозит превратиться в хроническую болезнь, «как нахальство у журналиста и плоскостопие у обер-кельнера».

II. Статья Дитфурта несколько выходит за рамки проблемы «Скиннер и бихевиоризм» и касается закономерностей развития современной науки, обусловивших идеи Скиннера. Рассматривая книгу Скиннера как факт научного мировоззрения, как явление современной культуры, критики обнаруживали еще более расходящиеся оценки. Профессор социологии Нью-Йоркского университета Ричард Сеннет в кратком отзыве, опубликованном в газете «Нью-Йорк Тайме», категорически относил Скиннера к тому направлению, которое движется не «желанием увидеть мир таким, каков он есть», а «желанием накопить познания, непреложные факты, на которые можно полагаться». Но это, по Сеннету, не новейшее заблуждение (как полагает Дитфурт), а отголосок позитивизма XIX в., «убеждения несколько провинциального общества прошлого столетия»¹¹. Сеннет писал, что Скиннер, стремясь представить свои старомодные взгляды соответствующими требованиям современной точной науки, отказывается тем самым от основных положений современной научной мысли, многие достижения которой отрицают принцип определенности поведения материи — принцип, который Скиннер считает возможным неукоснительно соблюдать относительно поведения человека. «Физика XX в. во многом опирается на сформулированный Вернером Гейзенбергом принцип неопределенности...; фундаментальный вопрос гениетики был решен после того, как исследователи

отказались от дедукции и стали выдвигать диковинные гипотезы»¹².

В статье же Уилера «Техника: основа культурных изменений»¹³ теория Скиннера выступила как один из элементов науки будущего. Статья Уилера — не рецензия на книгу Скиннера и касалась ее лишь по ходу рассуждений автора о «технологических аспектах изменения культуры». На наших глазах, утверждалось в статье, в ходе научно-технической революции, которую нельзя рассматривать как простое продолжение промышленной революции, складывается новая культура. Ее изменения — это органический, а не технологический процесс и определяются они в первую очередь не физикой, а биологией; преобладает не практическое знание, а научная теория, не индустриальные изобретения, а научные открытия, т.е. усовершенствование не отдельных органов, а человека в целом. Сама социальная жизнь приобретает столь теоретический научный характер, что, «если бы можно было контролировать развитие науки в ближайшие десятилетия, тем самым можно было бы контролировать основные направления социальных изменений»¹⁴.

Важнейшее из научных открытий — компьютер — Уилер никак не считал «электронным мозгом» и всячески подчеркивал его чуждость мышлению среднего человека. Информационные машины создают культуру, где наряду с товарной символикой действуют символы политики и экономики: культуру, которую Тейяр де Шарден назвал «ноосферой» — «мир математической логики, а не бухгалтерских расчетов». Проблема личной судьбы в этой культуре стоит не менее остро, чем в предыдущих, ибо научное знание кумулятивно, а индивидуальный политический опыт — неповторим. Поэтому, по мнению Уилера, «человеческие существа устарели с функциональной точки зрения. Мы не в состоянии справиться со сложностью наших проблем»¹⁵. Первый шаг к спасению должны сделать биологи, обеспечив возможность продления периода зрелости (т.е. мудрости) в жизни человека» путем разработки фармакологических средств борьбы со всеми видами бессилия, «начиная от импотенции и кончая тупостью».

¹² Там же.

¹³ Wheeler H. Technology: foundation of culture change // Center magazine. Santa Barbara, 1972, vol. 5, № 4, p. 48–56.

¹⁴ Ibid, p. 51.

¹⁵ Ibid.

¹¹ Сеннет Р. Отголоски позитивизма XIX в. // Америка. 1972. № 194. С. 5.

«Биологическая революция», которая не неизбежна, но необходима, откроет дорогу широкому моделированию поведения. Модель Павлова, рассматривающая организм как физическую машину, приводимую в действие только внешним мотором-стимулом, устарела. Новой культуре больше соответствует модель Скиннера, в которой организм и среда выступают в сложном единстве, а последствия их взаимодействия выдвигаются на первый план как регулятор поведения.

Особенно близка Уилеру скиннеровская идея исключения наказания из системы стимулов.

В новой культуре научно-теоретического типа, где образцы поведения можно внедрять в сознание людей помимо организационных структур, не нужны ни бюрократия, ни карательные органы, ни репрессивный контроль. Организации будут освобождаться от формальных суперструктур, сокращать свои функции и переходить к самоуправлению. В условиях замены карательных институтов воспитательными скиннеровская самоуправляемая культура с ее идеей поощрения как единственного метода воздействия на человека станет могучим средством формирования личности нового типа.

Будет ли этот человек стоять «по ту сторону свободы»? Б.Ф. Скиннер, подразумевавший здесь негативную свободу, свободу от ограничений, считает, что в обществе без наказаний необходимость в такой свободе отпадет, ибо ограничения перестанут ощущаться болезненно. По Уилеру, это преувеличение. Сокращение ограничений будет происходить постепенно, и так же постепенно будет нарастать чувство расширения свободы. Только если идея позитивной свободы, т.е. свободы достигать желаемого, вытеснит это чувство (что проблематично), общество может в этом ограниченном смысле в известной мере выйти за пределы — если не достоинства, то свободы.

Идея отказа от достоинства рассматривалась Уилером (косвенно) в заключительной главе о формальном образовании. То достоинство, которое высмеивает Скиннер, связано с ценностями протестантской этики, с успехом человека во внешнем мире, в бизнесе. Но «протестантская этика скоро отступит перед более универсальной, биологически ориентированной, экологической и гомеостатической этикой»¹⁶.

С точки зрения этой этики, такие понятия, как гордость, самолюбие, слава, успех, бессмыс-

ленны, поскольку она сформирована иным путем. Образование в постиндустриальном обществе будет давать знание тех же научных предметов, но не в качестве «окон во внешний мир», а в качестве «окна в себя», пути к обнаружению сокровенных слоев личности, которые должны быть религиозно почитаемы и охраняемы. «Максимой наших школ должно стать не «познай мир», а «познай самого себя»»¹⁷.

Примечательная черта отношения Уилера к Скиннеру — игнорирование выпадов против «личности», которыми пропитана книга последнего. Уилер воспринимал идеи Скиннера как глубоко гуманистические, но новаторские, и поэтому считал естественным его отказ от всех понятий гуманистической традиции (хотя сам он, как видим, ими пользовался). Оригинальность этого взгляда определяется тем, что Уилер стремился смотреть на эту традицию как бы из будущего и в этом смысле сам находился «по ту сторону».

III. Авторы, критикующие Скиннера изнутри этой традиции, ставя проблему гуманизма на материале его книг, по большей части отмечают «разрыв с многовековыми идеалами западной цивилизации» и — более того — угрозу ей. Так, уже упомянутые Вулф, Томпсон и Левин называли позицию Скиннера «гуманизмом на первый взгляд». Автор, писали они, ратует за справедливый мир без голода, боли, лишений, унижений, войн и преступлений. Но ведь это бесчеловечно по отношению к тем, кто, подобно дикарю в «New brave world», захочет именно этого. Людям нужно право и на лишения, и на преступления, пусть они и не воспользуются им.

В своей второй рецензии В. Томпсон¹⁸ также фиксировал у Скиннера попытку уничтожения личности. Томпсон полагал, что творчество Скиннера глубоко симптоматично для нашей эпохи, в которую человек, ставший в ходе буржуазной революции гражданином, снова превращается в пассивный субъект — но не трона и алтаря, а «электронного священника в церкви поведенческой науки». Антигуманна, по Томпсону, сама позиция непогрешимого учителя, которую занял Скиннер в полемике, его неспособность прислушаться к чужому мнению. Отдавая должное его темпераменту и художественному мастерству, рецензент писал:

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Thompson W. Beyond Freedom and Dignity // Canadian forum. Toronto, 1972, vol. 51, № 614, p. 14–15.

«Но это не традиционный художник, зависящий от мнений читателей, это артистическая традиция Гитлера и Мао»¹⁹. Эти имена привлечены, конечно, не для политической характеристики Скиннера. Его автор считает безвредным. Соответствующие ассоциации вызывают ученики и поклонники Скиннера и его возможные практические последователи. Гобино тоже был безвредным интеллектуальным чудаком, но из его теории превосходства арийской расы вышел национал-социализм»²⁰.

Скиннер — не враг гуманизма, возражал Г. Каплан²¹, Он враг пустого и бесхребетного гуманизма, повторяющего одни и те же истины и ни шагу не делающего, чтобы воплотить их в жизнь. Этот же автор высказывал парадоксальную точку зрения на Скиннера, которого многие воспринимают как жесткого прагматика, грубого материалиста. «За маской строгого экспериментатора нетрудно увидеть в Скиннере наивного идеалиста с чисто американской верой в человеческую доброту и совершенство мира. В нем отразился не только грозный технократизм, свойственный Америке XX в., но и примитивный, до невежества доходящий оптимизм первых поколений американской интеллигенции, к счастью, еще не иссякший», — писал автор статьи «Деятельность вне сознания».

Ричард Сеннет, оценивший «По ту сторону свободы и достоинства» как рецидив позитивизма, вместе с тем обнаружил в этой книге неожиданный скрытый план: «человека, отчаянно пытающегося отстоять свойственные индивидуализму XIX в. добродетели в новом мире, где личная самостоятельность уже теряет смысл»²².

Отдельные авторы искали источник сложного и странного мировоззрения Скиннера в религиозном воспитании, не до конца вытесненном научной деятельностью. «Мне кажется, — писал Каплан, — что Скиннер обладает некоторым «перевернутым» религиозным опытом, обратившимся в научный пуританизм, в убеждение, что никакого автономного субъекта поведения не существует»²³.

IV. Если противоречивость мировоззренческой позиции Скиннера была замечена лишь отдельными, сравнительно доброжелательными к нему критиками, то противоречия содержательного характера анализируются почти всеми. Широко отмечался «тупик», в который завела автора идея проектирования культуры. Культурная жизнь, в интерпретации Скиннера, писал Каплан, напоминает клетку. Хозяева этой клетки те, кто лучше разбирается в условиях выживания. А поскольку точному наблюдению и измерению поддаются факторы физического существования, контролеры оказываются экспертами естественного отбора. Может быть, и верно, что прежде чем заниматься другими делами, надо решить проблему выживания. Только зачем же называть необходимое, но недостаточное условие культурной жизни самой культурой?

Причины заблуждения Скиннера этот же рецензент объяснял так: «Нравственное воображение людей этого типа... навсегда потрясено симптомами кризиса нашей цивилизации. Оно практически никогда не выходит за круг таких проблем, как перенаселение, истощение ресурсов, загрязнение биосферы, ядерная угроза»²⁴.

Понятия, вынесенные Скиннером в заголовки, оказываются в центре внимания большинства пишущих о книге. Связывая достоинство со славой и изумлением, а не с уникальностью каждого человека, писал критик газеты «New statesment» Чарльз Рикрофт, Скиннер вступает в непримиримое противоречие с основной посылкой гуманизма. Рикрофт цитирует Канта: «Вещь имеет цену, если для нее можно найти замену, эквивалент: она имеет достоинство или ценность, если ей нет эквивалента»²⁵.

Автор уже упомянутой статьи «Деятельность вне сознания» признал, что и «свобода», и «достоинство» — не лучшие термины с точки зрения научной строгости. Но поскольку у нас нет других, зачем изгонять их из словаря психологов? «Скиннер забывает, — пояснял эту же мысль Гарольд Каплан, — что свобода — не просто слово, а фактор постоянной борьбы между личностью и государством». Пусть ничего не стоит за этим понятием с точки зрения бихевиористов, оно обладает политической реальностью. Отказ от него означает полное разо-

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Kaplan H. Life in the cage // Commentary. L., 1972, vol. 53, № 2, p. 82–86.

²² Сеннет Р. Отголоски позитивизма XIX в. // Америка. 1972. № 194. С. 5.

²³ Kaplan H. Life in the cage // Commentary. L., 1972, vol. 53, № 2, p. 82–86.

²⁴ Ibid.

²⁵ Rycroft Ch. Closed system // New statsman. L., 1972, vol. 83, № 2139, p. 351–352.

ружение личности. То же пишет рецензент о понятии «личность». Действительно, нет никакой научной и метафизической возможности локализовать «личность», традиционного внутреннего человека, или «гомункулуса», как говорит Скиннер. Но разве это основание для отрицания того очевидного факта, что у нас есть Я и что лучше всего это Я является не в лаборатории, а в диалоге с другими людьми. Контекст этого диалога — политический и этический, и в этом контексте термин «свобода» правомочен и необходим.

Каплан пытался показать, что все гуманистические понятия есть и у самого Скиннера, но ученый пользовался ими бессознательно. Что такое, например, его профилактика злоупотребления контролем или контрконтроль? В спонтанной форме он существует всегда, в том числе и у животных, например в виде отрицательных реакций на условия эксперимента. Реакции людей — это демонстрации, мятежи, революции. Любой хороший контролер должен уметь на этот случай применить контрконтроль — роль, подсластить, как говорится, пилюлю. Тактика «контрконтроля» и есть признание свободы, игра с ней. Соглашаясь, что лучшая форма контрконтроля — демократия, Скиннер вместе с тем выдвигает в качестве главной ценности такую, которая ставит под угрозу само существование демократии. Ценность эта — выживание культуры. А если демократия на каком-то этапе окажется неэффективной с этой точки зрения, чем ее заменит Скиннер? — спрашивал Каплан.

Антидемократические тенденции книги резко критиковались в связи со скиннеровской идеей экспертов контроля и «культуростроителей». Каков принцип формирования этой новой элиты? Чем она будет руководствоваться при решении вопроса о целях общества и выборе средств к их осуществлению? Кто будет контролировать этих контролеров? — вот вопросы, которые ставятся Скиннеру.

Профессор теологии университета штата Флорида в Таллахаси Ричард Л. Рубинштейн рассматривал ситуацию, в которой мнения человека и управляющих им операторов разойдутся. Можно ли поверить, что управители лучше знают, что ему надо? Что будет с человеком, который слушается «научных рекомендаций»? Скиннер нигде не уточняет, какой черты не переступят операторы, если будут убеждены, что существованию их культуры угрожает смертельная опасность. «Я лично не хотел

бы зависеть от доброжелательности операторов и не могу не сочувствовать тем бунтарям, которые попытаются сломать этот строй, чтобы преградить ему путь к всеобъемлющему управлению»²⁶.

О том, что рост специалистов в области культурного проектирования («operant conditioning») может привести к образованию особого слоя технократов, говорил, но совершенно в другом тоне и Уилер. «Трудно предвидеть, — писал он, — какую роль эти эксперты могут играть. Должны быть установлены профессиональные стандарты и известные гарантии против недобросовестной практики»²⁷.

У некоторых авторов это сочетается с указанием на невозможность осуществления такого контроля, исходя из скиннеровских же принципов. Ссылаясь на соответствующие тексты, известный английский историк и социолог Арнольд Дж. Тойнби писал: «Эти цитаты из книги допускают, во всяком случае, то, что некоторые члены человеческого общества намечают план культурной деятельности, создают культурное окружение, управляют поведением других людей. Такие предположения, безусловно, несовместимы с основными принципами Скиннера: свобода является просто иллюзией, люди не способны брать инициативу в свои руки, и их поведение полностью определяется либо генетическими характеристиками, либо социальной средой — ничего третьего нет».

В. А. Тойнби в наиболее четкой форме выразил общее мнение о причинах неосуществимости проектов Скиннера. Не решая вопроса о мере влияния среды на человека, он лишь фиксировал противоречие: условие применения поведенческой технологии — полная зависимость поведения от наследственности и окружения и нахождение способов изменения этих двух факторов. Но тогда некому проектировать и конструировать биологические и социальные изменения.

Вильям Томпсон стремился показать утопический характер бихевиористской модели на другом уровне — логико-диалектическом. Вот ход его рассуждений.

Представьте себе, что мы отдали на откуп бихевиористам все: информационные процессы, контроль, воспитание. Но процесс информации обла-

²⁶ Рубинштейн Р.Л. Отказ от всеобъемлющего управления влечет за собой не анархию // Америка. 1972, № 194, с. 4.

²⁷ Wheeler H. Technology: foundation of culture change // Center magazine. Santa Barbara, 1972, vol. 5, № 4, p. 48–56.

дает в человеческом мозгу дуальной структурой: «добро» и «зло», «да» и «нет», «то» и «это», «1» и «0». Следовательно, любой социальный закон явно или скрыто осваивается в сознании таким образом, что автоматически вызывает к жизни своей антипод. Если вам говорят: «Любите Большого Брата», то вам одновременно говорят: «Не любите Большого Брата». Подсознание — это не столько Фрейдовы джунгли подавленных желаний, сколько «зазеркалье» любой культуры. Любое общество, члены которого мыслят, обладает негативом своей этики. Конфликт, таким образом, — вовсе не элемент дурно организованной среды. Это выражение трагической неизбежности сущего. А в какое бы общество вы не поместили сознательного человека, он будет мыслить бинарными. Поведенческие образцы, которые хочет насаждать с помощью поощрения Скиннер, и явятся теми факторами, которые породят враждебные им структуры и конфликт в обществе. Остается уничтожить саму мысль у членов скиннеровской культуры. Но ведь у контролеров она останется! И конфликт возникнет в их среде.

Меньше всего представлена в прессе собственно социологическая критика утопии Скиннера. Образец ее содержится в отзыве Сеннета. Этот автор обращает внимание на то, как именно Скиннер говорит об управлении поведением. Все его внимание сосредоточено на ситуациях, в которых объектом управления оказывается отдельный человек. Он почти не упоминает о различных формах управления в применении к различным социальным группам и слоям. Ратуя за создание мира, который населяют люди, полностью сформированные социальными условиями, Скиннер фактически не интересуется природой общества и ничего не говорит о групповой жизни, о социальной жизни вообще. «Грандиозные идеи книги неприменимы к событиям истории, а ведь последние-то и представляют собой истинное поведение людей»²⁸.

Прямое признание научной ценности и практической осуществимости идей Скиннера содержалось только в одной рецензии. Это опубликованное в «Center Magazine» письмо биофизика и помощника директора научно-исследовательского института психического здоровья при Мичиганском университете Джона Платта «Осознать от-

ветственность и приступить к делу»²⁹. Для Платта книга Скиннера — революционный манифест, своевременно прозвучавший «в нынешний век кризисов, когда все старые, неполные или случайно унаследованные нами системы приходят в расстройство»³⁰. Идея нового человека носится в воздухе. Многие сулят новые формы семейной жизни, отношений между соседями, городских собраний, управления промышленностью, экономических связей, правовых и политических норм, новые формы взаимопомощи и сознания. Залог жизнеспособности скиннеровского проекта Платт видел в том акценте на многообразии форм и постоянном экспериментировании, который, по его мнению, все время делает Скиннер. По существу, Платт выразил готовность выступить в качестве того культуростроителя, о котором пишет Скиннер. Никаких сомнений в конечной цели у него нет. Отвечая тем, кто называл мир Скиннера «доброжелательным фашизмом», или «проектом ада», Платт писал: «Жизнеспособное общество с каналами обратной связи для передачи протеста и требования исправлений, общество, которое кладет конец долгому владычеству наказаний и возмездий... общество, которое умышленно создает многообразие и экспериментирует с различными образами жизни, — такое общество кажется мне не проектом ада, но проектом рая по сравнению с тем миром, в котором мы живем сейчас»³¹. Косвенное признание реальности изображенного в книге Скиннера мира и осуществимости его проектов содержалось и в отрицательных отзывах. Ричард Л. Рубинштейн видел заслугу Скиннера в том, «что он откровенно рисует нам нас самих в том виде, который мы постепенно принимаем»³².

По мнению Гарольда Каплана, «технология поведения», о которой мечтает Скиннер, уже давно существует. Тип управления, им пропагандируемый, широко применяется в бизнесе, в массовых коммуникациях, в политической жизни Америки. В утопическом романе «Уолден Второй» изображено, по Каплану, «типичное индустриальное общество». В США, утверждал он, есть общины такого типа; чем-то его

²⁹ Платт Дж. Осознать ответственность и приступить к делу // Америка. 1972, № 194.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Рубинштейн Р.Л. Отказ от всеобъемлющего управления влечет за собой не анархию // Америка. 1972, № 194, с. 4.

²⁸ Сеннет Р. Отголоски позитивизма XIX в. // Америка. 1972. № 194. С. 5.

напоминают израильские киббуцы, где коллективное обучение ослабило семейную структуру, а общественная этика развила сильное чувство цели.

Даже наиболее утопический элемент книг Скиннера имеет прямую связь с политической злобой дня. «Только эпоха правового произвола может породить то истерическое состояние (раньше так было, например, в Салеме, XVII в.), в котором теряет смысл понятие этической личности»³³. Каплан отмечал два типа реакций на этот кризис: романтический анархизм, освобождающий человека от контроля и бросающий его на произвол стихийных сил подсознания (Норман Браун, Вильгельм Райх), и манипулирование индивидом через культуру (Скиннер).

VI. Попытке рассмотреть содержание книги в научном, философском и политическом контексте противостоит утверждение, что «По ту сторону свободы и достоинства» — «закрытая система», «замкнутая в себе самой», «ирреальная» и ее анализ не имеет смысла.

Это мнение обосновывается, прежде всего, бросающейся в глаза особенностью книги — почти полным отсутствием в ее тексте ссылок на других авторов. «Кто конкретно составляет литературу свободы и достоинства, с которой полемизирует автор?», — спрашивал Морис Вулф и отвечал: «Он наносит удары в пустоту». Это, по его наблюдениям, характерно для всех книг Скиннера, бесконечно повторяющего общие места и неспособного проникнуть в чужой интеллектуальный мир.

По мнению Рикрофта, Скиннер пишет о своих неназванных противниках так, словно не читал ни одной их книги, и «вряд ли понимает ту интеллектуальную и этическую традицию, которую разоблачает. Ненаучная и странная система примечаний также не дает возможности определить, читал ли Скиннер авторов, которых цитирует»³⁴. Канта, например, он, по убеждению критика, вероятнее всего, не читал. Все это раздражает читателя или, говоря языком Скиннера, «обуславливает его агрессивную реакцию».

Противники с торжеством, а защитники с сожалением отмечали, что в книге нет ни одной конкретной рекомендации по воплощению в жизнь культурного проектирования; принципы «технологии поведения» изложены в самой общей форме.

³³ Kaplan H. Life in the cage // Commentary. L., 1972, vol. 53, № 2, p. 82-86.

³⁴ Rycroft Ch. Closed system // New statsman. L., 1972, vol. 83, № 2139, p. 351-352.

VII. Мнения о языке и стиле книги Скиннера самые разноречивые. По Дитриху, его теория изложена «ужасным профессиональным жаргоном»; по мнению рецензента «Times Literary Supplement», — «ярко, живо, парадоксально».

Как бы суммируя все критические замечания в адрес автора «По ту сторону свободы и достоинства», Чарльз Рикрофт размышлял, почему «узко-профессиональная, философски наивная и научно необоснованная книга привлекла такое внимание».

Он высказал предположение, что причина в амбивалентном отношении читателя к проблемам социальной инженерии. С одной стороны, люди верят, что научно-технический прогресс когда-нибудь решит социальные проблемы, с другой — их пугает возможность новых форм контроля над индивидуальной судьбой. Это страх за те самые ценности, которые Скиннер приписывает «внутреннему человеку».

В книге «Размышления о бихевиоризме и обществе» дается основная характеристика его учения. Она представляет собой свод различных идей, ранее изложенных в других его работах, но теперь снабженных целям рядом поправок³⁵ Скиннер предлагает вместо репрессалий и угрозы их применения использовать «позитивное принуждение». Выработанное таким способом поведение характеризуется, по его мнению, активным участием в жизни, освобождением от скуки и депрессии. Когда наше поведение подвергается позитивному принуждению, мы говорим, что наслаждаемся своими поступками, мы считаем себя счастливыми.

Однако Скиннер вынужден признать, что в теории «позитивного принуждения» имеется существенный порок, который заключается в том, что оно не только ведет богатых к большему богатству, но ввергает бедных в еще более ужасающую нищету. Скиннер считал, что когда бедных станет много и они окажутся столь сильными, то начнут протестовать. Это приведет к значительным беспорядкам. Чтобы избежать этих последствий, Скиннер предлагает так называемые «неслучайные подкрепители», при помощи которых можно было бы управлять случайностями.

Лучшей стратегией в этом отношении он считал введение межиндивидуального контроля «лицом к лицу», что будто бы приведет к «модификации поведения» в лучшую сторону. Скиннер

³⁵ Skinner B.F. Reflections on behaviorism and society. N.Y., 1978.

пытается выработать особый метод контроля — «запрограммированную серию случайностей», который, оказавшись в руках квалифицированных учителей и союзников, должен привести к разработке эффективного комплекса мероприятия, требуемых социальных окружением.

Вопрос о так называемых «модификаторах поведения», то есть о людях, которые должны получить право контролировать других, вызывает наибольшее количество возражений. Критиков скиннерства также волнует проблема, кто будет контролировать самих контролеров. На эти вопросы Скиннер предлагает следующий ответ: «Не кто, а что». Он стремится доказать, что модификаторов будет контролировать социальное окружение». Контроль, писал он, должен принадлежать всем людям.

Этика помощи друг другу, по Б.Ф. Скиннеру, состоит в том, что те, кто имеют возможность оказывать помощь другим, должны использовать эту возможность в качестве «случайного принудителя». Известно, что попытки применить в американских тюрьмах и психиатрических заведениях принцип скиннеровского «оперантного принуждения» для получения хорошего поведения у арестантов и больных, получили огромный резонанс в научной криминологической и медицинской литературе. Поэтому Скиннер вынужден был отметить, что «оперантное принуждение» может неправильно применяться, поскольку практические попытки осуществления «модификации поведения» встречаются в США все чаще и чаще, и рост этот оказался бесплодным и хаотичным. В то же время он отмечал, что модификация поведения непременно даст положительные результаты если применить разработанный им метод управления случайностями принуждения, которое должно проводиться под наблюдением и сопровождаться определенными ограничениями.

Если экзистенциализм, феноменология и структурализм утверждают, что мы получаем знание о другом посредством интуиции, то бихевиористский анализ дает сведения о несоответствии окружения и поведения. Согласно бихевиоризму, познание себя означает изучение специальных «случайностей принуждения», создаваемых другими. Такие «случайности» не включают процесс медитации. Мы поступаем так, а не иначе, вовсе не потому, что вначале почувствовали, что хотим поступить именно так. Эти два акта одновременны, а их причина, по Скиннеру, коренится в истории

нашего окружения. Культура же развивается в условиях специальных «случайностей выживания».

Далее Скиннер напоминает о своем утопическом романе «Уолден два», в котором описывалась жизнь маленькой общины и утверждалось, что будущее не за городами-гигантами, а именно за маленькими поселениями. Скиннер отрицал современный американский образ жизни, был критически настроен против социалистического образа жизни. Бихевиоризм, писал он, предлагает крутой и тернистый путь исследования человеческого поведения, в связи с чем излагает вкратце содержание своей книги «По ту сторону свободы и достоинства», а также историю своего экспериментального анализа поведения.

Скиннер заинтересовался бихевиоризмом благодаря трудам Б.А. Рассела и И.П. Павлова. Его исследования охватывают проблемы вербального поведения и теории культуры, а также вопросы образования. В третьей части он специально останавливается на факторах, которые, по его мнению, могут повысить эффективность образования, сделать учащегося «свободным и счастливым», а также обеспечить определенное планирование высшего образования.

Б.Ф. Скиннер был убежден в том, что наше поведение определяется окружением, а характер личности целиком зависит от среды. Ответственность и мораль не имеют значения в этой теории. Никого нельзя наказывать за его поступки, считал Скиннер, а человека следует переместить в иную социальную и физическую среду, которая будто бы изменит его поведение. Итак, по Скиннеру, человеком можно манипулировать посредством изменения среды, человеческое же поведение представляет собой общую сумму воздействия среды.

Сейчас идеи Скиннера снова получили хождение, потому что укрепилась тенденция редуцировать психические процессы к физиологическим. Излагая свой взгляд на формирование новой научной парадигмы, П.С. Гуревич пишет: «Редукционизм опасен тем, что он упрощает картину мира, сложность проблем, предлагает банальное решение, которое оказывается заведомо неверным и коварным. Расшифровка генома — огромное достижение человечества. Но разве она позволяет устранить социальную теорию или философское размышление?»³⁶.

³⁶ Гуревич П.С. Формирование новой парадигмы // Психология и психотехника. 2013. № 12 (63). С. 1191–1199.

Каждый день мы сталкиваемся с результатами многочисленных исследований американских и европейских психологов, якобы дающих объяснение всем проявлениям человеческой психики с физиологической точки зрения. Самые, на наш взгляд, парадоксальные связаны с

миром человеческих чувств, ценностей и смыслов. Вновь подвергаются критике свобода и достоинство человека, поскольку они, по мнению многих современных исследователей (как и когда-то Скиннера), фактического содержания не имеют.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. Изд. 2-е. М.: Добросвет, 2006. 257 с.
2. Гроф С. Исцеление наших самых глубоких ран. Холотропный сдвиг парадигмы. Изд. 2-е. М.: Ганга, 2012. 400 с.
3. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. СПб: Петроглиф, 2013. 428 с.
4. Гуревич П.С. Формирование новой парадигмы // Психология и психотехника. 2013. № 12 (63). С. 1191–1199.
5. Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
6. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга: попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы. Изд. 5-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 123 с.
7. Тарт Ч. Конец материализма. Начало духовного пробуждения. М.: Постум, 2013. 432 с.
8. Ditfurth H. von. Ein gespenstisches Rezept // Spiegel. Hamburg, 1972. Jg. 26, № 11, s. 144–147.
9. Kaplan H. Life in the cage // Commentary. L., 1972, vol. 53, № 2, p. 82–86.
10. Rycroft Ch. Closed system // New statsman. L., 1972, vol. 83, № 2139, p. 351–352.
11. Skinner B.F. Reflections on behaviorism and society. N.Y., 1978.
12. Thompson W. Beyond Freedom and Dignity // Canadian forum. Toronto, 1972, vol. 51, № 614, p. 14–15.
13. Wheeler H. Technology: foundation of culture change // Center magazine. Santa Barbara, 1972, vol. 5, № 4, p. 48–56.
14. Wolfe M., Thompson W. Levin M. The new biodeterrinism // Canadian forum. Toronto, 1972, vol. 51, № 614, p. 12.

References (transliteration):

1. Bodriyar Zh. Prozrachnost' zla. Izd. 2-e. M.: Dobrosvet, 2006. 257 s.
2. Grof S. Istselenie nashikh samykh glubokikh ran. Kholotropnyi sdvig paradigmy. Izd. 2-e. M.: Ganga, 2012. 400 s.
3. Gurevich P.S. Filsofskaya interpretatsiya cheloveka. SPb: Petroglif, 2013. 428 s.
4. Gurevich P.S. Formirovanie novoi paradigmy // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2013. № 12 (63). S. 1191–1199.
5. Lektorskii V.A. Filosofiya, poznanie, kul'tura. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 384 s.
6. Sechenov I.M. Refleksy golovnogo mozga: popytka svesti sposob proiskhozhdeniya psikhicheskikh yavlenii na fiziologicheskie osnovy. Izd. 5-e. M.: LIBROKOM, 2010. 123 s.
7. Tart Ch. Konets materializma. Nachalo dukhovnogo probuzhdeniya. M.: Postum, 2013. 432 s.
8. Ditfurth H. von. Ein gespenstisches Rezept // Spiegel. Hamburg, 1972. Jg. 26, № 11, s. 144–147.
9. Kaplan N. Life in the cage // Commentary. L., 1972, vol. 53, № 2, p. 82–86.
10. Rycroft Ch. Closed system // New statsman. L., 1972, vol. 83, № 2139, p. 351–352.
11. Skinner B.F. Reflections on behaviorism and society. N.Y., 1978.
12. Thompson W. Beyond Freedom and Dignity // Canadian forum. Toronto, 1972, vol. 51, № 614, p. 14–15.
13. Wheeler N. Technology: foundation of culture change // Center magazine. Santa Barbara, 1972, vol. 5, № 4, p. 48–56.
14. Wolfe M., Thompson W. Levin M. The new biodeterrinism // Canadian forum. Toronto, 1972, vol. 51, № 614, p. 12.